

Оскар Шкатов

Мы ребята из ГИСИ,
ты нам только
поднеси

Оскар Шкатов

Мы ребята из ГИСИ, ты нам только поднеси

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55748596

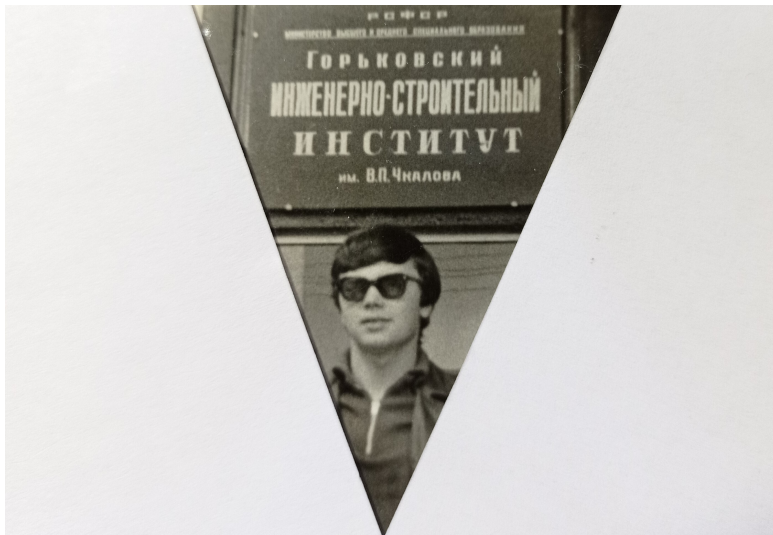
SelfPub; 2022

Аннотация

Повесть сформирована из отдельных эпизодов жизни студентов Горьковского инженерно-строительного института застойного периода. Нынешние студенты уже лишены той принудительной прелести сельскохозяйственных работ на колхозных полях и не познали энтузиазма стройотрядовского движения. Однако автор надеется, что повесть эта будет интересна не только тем, кто присутствует в ней, но и современным целеустремлённым студентам. Может, они и осудят нас за бесшабашность, а может и позавидуют тому, что нас в то время так сплачивало, дружило и влюбляло.

Оскар Шкатов

Мы ребята из ГИСИ, ты нам только поднеси

*...Этак каждый начнет писать свои биографии! Я от-
вечу – и прекрасно! Пускай каждый напишет о себе правду
и даст почитать другому. Мне кажется, что это будет
способствовать взаимопониманию.*

Александр Житинский. «Дитя эпохи»

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Боря сидел на деревянной парковой скамейке и неспешно, вдумчиво, со знанием дела время от времени прикладывался к крепко вросшей в его правую ладонь бутылке портвейна. Левая же рука была практически свободна и лишь как бы невзначай презрительно перелистывала лежащий рядом конспект. Боря на год раньше меня закончил школу и теперь учился в строительном институте. Я на тот момент был окончательным старшеклассником, вернее, кончающим... нет, пожалуй, заканчивающим и, как положено, уже начинал задумываться «А чё дальше-то?» Вообще-то, «уже» – термин несвоевременный, все мои одноклассники свою будущность давно определили. Я же метался в сомнениях. С одной стороны, моя гуманитарная сущность звала меня в институт иностранных языков, которые меня всегда привлекали, мало того, как-то родившись, я заговорил сразу на двух языках, отечественном и изучаемым мамой английском. Но с другой стороны, ВУЗ-то педагогический, а какой из меня, раздолбая, прости господи, педагог...

Да и с языками произошла некоторая путаница. Пытаясь сделать из мелкого и бестолкового меня что-нибудь англоязычное, кроме того, что обозвали в честь Оскара Уайльда, родители долго описывали по городу спираль со всё возрастающей амплитудой в поисках школы соответствующего профиля. Однако везде им отвечали примерно одно и то же:

– Чего вы мечетесь, ступайте в ж... ,

извините, по месту жительства, где располагалась школа с расширенным преподаванием языка, но только немецкого. В неё своих мажоров пихали директора магазинов, престижные врачи и всегда дальновидные евреи. Школа, действительно, считалась лучшей в городе, да и с домом рядом. На том и остановились.

Итак, Боря душевно бухал. Я подсел к нему, пожал руку, взглотнул из дружески предложенной бутылки и задал мучивший меня в то время вопрос, как это студенты умудряются столь приятно проводить время в то время, как время сессии. Боря выразился философически:

– Куда учишься, тем и получишься. А у нас в ГИСИ ты нам только поднеси...

Насыщенность и содержательность этого изречения настолько впитались в мой ещё не определившийся с выбором мозг, что желание стать строителем буквально на глазах стало расти и крепнуть.

Да к тому же Боря был мастером спорта по фехтованию, или тогда ещё КМС. Наверное, поэтому он так крепко держал пузырь. Я, кстати, в младших классах тоже занимался в этой секции, но так ничему и не научился. Помню только, что поступил туда, как и другие пацаны, начитавшись «Трёх мушкетёров». Мы скакали по спортзалу, запрыгивали на шведские стенки, размахивали рапирами и кричали: «Ага, каналья!» Впрочем, вру. Боярский стал кричать это

значительно позже. Потом появлялся тренер и хлестал нас рапирой по ляжкам. Было больно, но доходчиво. Нет, кое-чему я всё-таки научился. Когда мы дрались арматурными прутами на крышах дворовых гаражей, я зафехтовал своего соперника, и он свалился с трёхметровой высоты. Слава богу, всё обошлось.

Шпага и вино были неразлучны у мушкетёров, но они при этом не учились в институте. А тут сочетание спорта и спирта меня крайне заинтриговало. Короче, мнение моё о ВУЗе, в котором я себя уже представлял, не только выросло и окрепло, но даже слегка разбухло. Нет, пока ещё не от слова «бухло». И вопрос «Кем быть?» был аннулирован. А то раньше...

*Я очень стать хотел бы генералом
И, нацепив лампасы на штаны,
Я бы солдат построил и орал им,
Как те служить отечеству должны.*

*Я очень стать хотел бы астрономом
И, вперив телескоп в ночную тьму,
Открыть летающий бульжжик новый,
Покуда не известный никому.*

*Я очень стать хотел бы землекопом,
Я б землю вдоль и поперёк изрыл
И, отыскав ребро питекантропа,*

Музею бескорыстно подарил.

Я очень стать хотел бы скалолазом,

Меня бы уважал Сенкевич Ю.

А я с вершин Памира и Кавказа

Ему давал бы телеинтервью.

Я очень стать хотел бы страх-агентом,

Ходить по территории своей

И страховать доверчивых клиентов

От СПИДа, от поноса, от детей.

Я очень стать хотел бы стюардессой,

Жаль, что туда лишь девушек берут,

Я предлагал бы пассажирам прессу,

Рыгательный пакет и парашют.

Я очень стать хотел бы рок-звездой,

Я бы тогда культуру в массы нёс,

Толпой фанатки гнались бы за мною,

Роняя пряди крашеных волос.

Я очень стать хотел бы акушером,

Все женщины стремились бы ко мне,

Назло заморским мистерам и сэрам

Я б поднимал рождаемость в стране.

*Я б стать хотел борцом, легкоатлетом,
Певцом, танцором, тренером ушу,
Но только, извините, стал поэтом
И пользы никакой не приношу.*

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Школьно-институтская промежуточность – это лето, которое мне запомнилось на всю жизнь. Причём вплоть до мелких эпизодов. Это время метаморфоз. Из гусениц, так сказать, в бабочки. Из одной ипостаси в другую – в течении одного лета ты школьник, выпускник, бездельник, абитуриент и студент. Это последняя любовь школьная, первая институтская, ну и то, что между ними.

Чтобы закрепить понимание этого переходного периода и вспахать глубокую борозду между сопливым прошлым и самостоятельным будущим, мы, четверо друзей – одноклассников, решили развеяться, освободить мозги от лишнего хлама и заготовить там место для нового. Ну, а для осуществления подобной процедуры просто необходимы природа, свежий воздух и полное отсутствие одушевлённых предметов. Лучший вариант – необитаемый остров. И он нашёлся, вернее, его подобие.

Спустившись на речном транспорте вниз по Волге километров на семьдесят, мы на пароме переправились на противоположный пустынный берег с полным отсутствием ка-

ких-либо признаков цивилизации. Кстати, и остров там был. Забыл, правда, сообщить, что с нами был проводник, бдун и блюститель сухого закона – мой батя. Потому что трудно представить, что бы мы там творили без старшего товарища. Подобные походы были не в новинку, но этот планировался сроком на неделю. Разбили лагерь, поставили палатки, натаскали дров, распределили съестные припасы, и остальное время уже работало на нас.

Батя углубился в рыбалку, а мы принялись выплёскивать из себя дурь. Сколько же её скопилось за розовые школьные годы! Мы носились по берегу Волги в одних набедренных повязках, где спереди висел лопух, а сзади не было ничего из соображения, чтобы оттуда быстрее детство вылетало. Подобное проветривание весьма способствовало всему намеченному, но лишь в дневное время. Вечера же, хоть и у костра, провоцировали на знакомства с истинными хозяевами положения и данной местности в целом. Голодные и злые, они облепляли наши незащищённые места, насыщались и, уже довольные и толстые, улетали прочь, уступая место новым, уже наслышанным о появлении на их территории свежей крови различных групп и степеней жирности. Человеческая натура вечно чем-то недовольна, зимой ей надо лета, а летом хочется на Северный полюс вместе с сидящими на тебе комарами.

Но длительная жара, как известно, к добру не приводит. Природа требовала встряски, и она произошла. Неожидан-

ный ураган набросился на родное Поволжье. Палатки снесло как носовые платочки и перемешало всё, что в них находилось. Наши по тем временам модные длинные волосы встали дыбом и, в соответствии с порывами ветра, метались как у Медузы Горгоны.

Я вцепился в свою гитару как Страдивари в любимую скрипку, сожалея, что это не рояль. По Волге гуляли валы с белыми барашками, но в силу малого разгона в цунами никак не вырастали. Впрочем, мне кажется, что к примеру, долгий, скучный и тупой дождь был бы значительно менее приятен, нежели непродолжительный, хоть и разрушительный шквал. Да и повод появился для долгих, но уже осознанных действий по восстановлению лагеря. Для нас это явилось предвестником больших перемен. Чёрные от загара, опухшие от комаров, но зато не унесённые ветром, мы по истечении намеченной недели наконец-то вернулись домой, где узнали, что ураган повеселился и там, снеся крышу Дворцу спорта.

Вечером, уже дома, я обнаружил у себя температуру где-то в сорок градусов. Но на счастье мне был предложен гранёный стакан с чистым девяносто-шести-градусным спиртом. В совокупности это составило 136. Но, когда я хорошо проспался, утренний градусник показывал уже 36,6. Молодой организм сделал своё дело, но вот куда девались оставшиеся 100 градусов, с точки зрения математики это уже парадокс. Видимо, это сфера действия других наук.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Ну, а теперь об этих самых науках, грызть гранит которых нам предстояло.

Наша четвёрка временно разделилась по интеллектуальным соображениям, хотя дружить и встречаться мы продолжали всегда. Славка, друг детства и сосед по детсадовскому горшку, и Лёша Сим, впоследствии солидный общественный деятель, имели технический склад ума и поступили, соответственно, в политехнический. А я и Лёша Сав по причинам, упомянутым мной в начале, выбрали строительный, благо внедриться туда после спецшколы было нетрудно. Правда, перед поступлением мы решили немного подтянуть физику.

Ещё довольно молодой, юморной и лучезарный Рашид не только занимался репетиторством, но и, как оказалось, сам принимал экзамены. Узнав об этом, наша группа абитуриентов как-то успокоилась, и на подготовительных занятиях чаще звучали анекдоты, чем физические термины.

Мы с Лёшкой возвращались после очередного занятия. Впереди шла девчонка, которая только сегодня появилась в нашей группе. Краткость мини-юбочки была предельной, а то, что под ней подразумевалось, вообще выходило за всяческие пределы. Всё это настолько элегантно колыхалось, что привело нашу походку в резонанс и заставило синхронно ускорить шаг. Я первым достиг цели и познакомился. Затем подоспел запыхавшийся Лёша и сделал то же. У молодых

знакомства происходят быстро и без стеснения. Ира, которую мы окрестили Ириночкой, поскольку Ирочки у нас уже были, приехала из Норильска. Поэтому ей было жарко, что и оправдывало демонстрацию её аппетитностей. Нам с Лёшей часто нравились одни и те же девушки, но это несколько не мешало нашей дружбе. У Лёшки было преимущество – он выглядел старше, зато я играл на гитаре, и порой на вечеринках случалось так, что я ещё пою песни, а он уже с кем-то целуется.

Втроём мы поехали ко мне домой, выпили дружеский портвейн и стали рассуждать о предстоящем экзамене. Лёша, зная мой открытый характер инструктировал:

– Не вздумай прилюдно показывать свое знакомство с экзаменатором. Знаю я тебя, сразу заорёшь «Рашидушка!» и обниматься полезешь.

Нет, на экзамене я был образцом не только сдержанности, но и порядочности. Я подсел к Рашиду и провозгласил:

– Билет N13. Строение атома по Бору и Резерфорду.

– Не тупи. Чего тебе поставить-то?

– Ну уж нет. Ответ на этот билет я знаю досконально. Извольте выслушать.

И я стал излагать содержимое данной темы, которая кстати досталась мне и на выпускном экзамене. Хотелось высказать, что хотя я не Бор и не Резерфорд, но твои платные курсы мог бы и не посещать.

– Ладно, вот тебе пятёрка, не отнимай времени.

Остальные экзамены мы с Лёшкой сдали так же легко и по сумме баллов были назначены старостами групп. Декан вызвал нас и дал первое поручение. Надо было съездить по указанному адресу и оповестить ещё одного новоиспеченного старосту о его аналогичном назначении. Дверь открыл такой же, как и мы. Звали Гоша.

– Старостой будешь.

– Буду.

– А на троих будешь?

– Тоже буду.

Потом водка и арбуз закрепили наш союз.

ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ

Деревня Сухарёнки мировым очагом культуры не была. Она вообще ничем не была. Очаги там были дореволюционные, а культурой и не пахло. Пахло навозом. Вокруг простирались необозримые картофельные поля.

Автобус, который бесконечно долго тряс нашу группу по просёлочным дорогам, видимо растряс весь лимит институтского бюджета и сказал, что больше не приедет. Это была дорога в один конец. В то время студентов, ещё даже не успевших ощутить задницей холодок институтской скамьи, сразу же посылали на картошку. Под лозунгом «Народу надо жрать, а ваше образование на хрен никому не нужно» тысячи студентов забрасывались на сентябрьские поля нашей необъятной родины.

Так что наша группа в институте даже познакомиться толком не успела. Но в автобусе я достал гитару и запел «And I love her». Сидящая передо мной Света обернулась и стала подпевать на чистом английском, обкавав моё немецкое произношение. Так постепенно мы начали спеваться с перспективой вскоре заменить в этом глаголе букву «е» на «и».

В нашей группе было пять ребят, из которых один якут Радик, крепкий и уже отслуживший срочную, два Серёжи масштабом помельче, Сладкий (вообще-то Саша, но он имел привычку интересоваться: «Уж не охренел ли ты, мой сладкий?») ну и я. Впоследствии мужской состав группы постоянно менялся, а вот девичий контингент до самого диплома сохранял свою (чуть не сказал, девственность) сплочённость и женскую дружбу, которой, говорят, не бывает. Девчонок было раза в два больше, и это радовало.

Расселились мы в избах с русскими печками и лавочками. Да и весь окружающий пейзаж соответствовал эпитету «Русь изначальная». В аналогичных сооружениях неподалёку располагались также магазин и клуб. Избушкам на курьих ножках соответствовали сплошные бабки Ёжки. А молодое население представлялось единственным экземпляром. То ли военкомы не добрались до него вследствие отдаленности, то ли вообще в нём не нуждались. Этот Федя по имени Саша фамилию имел почему-то французскую, а схожесть разве что с французами после Бородина. Ботинки его были странным образом перепутаны с ногами. Или просто ноги смотре-

ли в разные стороны. Действительно, маршировать одновременно налево и направо было бы нелегко. Зато он приветливо улыбался нам всей своей непричёсанностью.

Сопровождать молодых недоразвитых первокурсников полагалось старшему – ответственному представителю кафедры. Наш кафедральный Порфирич имел лысинку и бородку, так что соответствовал всем параметрам. Его заботы о нас были не слишком навязчивыми, ибо в молодом коллективе и сам молодеешь.

Вечер первого знакомства и застолья был организован в просторной избе, где поселились наши девушки, то ли бывшей школе, то ли партизанском штабе. Деревенская закуска и остальное привели нас всех как бы к общему знаменателю. Социальными статусами мы не мерялись, а молодость брала своё и, как оказалось, мы все похожи друг на друга. В то время и так существовал единый стандарт и образец для подражания – человек Советский (*homo soveticus*), но на следующее утро появился еще один подвид – *homo cartofelus*. Здесь простая похужесть переходила уже в единообразие – фуфайка, свитер, шаровары, сапоги. Мальчиков от девочек можно было отличить только по вторичному половому признаку, а именно, наличию либо отсутствию косынки на голове.

Работа также не баловала разнообразием. Борозда, корзина, картофель – эта картина стояла перед открытыми глазами днём и за закрытыми – ночью.

Однажды к нам в мужскую избу постучалась местная ба-

буля и попросила вспахать ей огород. Когда мы увидели накрытый за это стол, то поняли, что одна и та же работа по-разному стимулируемая, может доставлять и недовольство, и удовольствие. Это мы ещё от денег отказались. Но водку конечно не пощадили.

Осень была ещё ранней, но уже дождливой.

– Однако, *каллар* совсем пасмурный, – бормотал якут Радик, глядя в осеннее небо.

– Однако *кюнь* совсем не светит, – с тоской вспоминал он летнее солнышко. Взял бы бубен, да настучал «Пусть всегда будет солнце», шаман ты хренов. Но Радик был якут современный и не знал технологий предков.

Малогабаритные Серёжи волокли по борозде мешки с картошкой.

– Э, сынки, – досадовал Радик, отбирал у них мешки и, взвалив на плечи, сам нёс их к месту складирования. Мы с Шурой Сладким заигрывали с девчонками. В первый же день мы оба нашли свою любовь и теперь постоянно на ночлег возвращались далеко за полночь, громко по-армейски желая всем спокойной ночи:

– Отцы, день прошёл!

– Ну и хрен с ним!

А с утра снова окунались в серую обыденность.

Кроме наших со Сладким двух Наташ, на остальных девчонок мужского присутствия не хватало. Ну и в клубе были организованы танцы. Клуб – это изба с магнитофоном. Нача-

ла стягиваться молодёжь из соседних деревень. Они сначала рассматривали наших городских девушек, а потом приступали к любимому занятию. Есть два варианта деревенского развлечения: сначала набухаться, потом помахаться или наоборот, сначала помахаться, а потом помириться и набухаться. Причём, кто с кем и по какой причине, неважно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.